

Перелистал твой “Дневник”, Серёжа. Кое-где бегло, когда он был скучен. Но иные яркие страницы прочитал внимательно. В первую очередь те, где ты упоминаешь моё имя. Ты сам сказал, передавая “Дневник” мне в руки: **“В конце книги ищи себя в алфавитном списке персонажей”**. Я нашёл, прочитал и задумался.

Как странно и несправедливо ты отреагировал на попытку Литфонда вернуть писателям крымские дома творчества – Коктебель и Ялту! Коктебельскую усадьбу Максимилиан Волошин подарил в 1924 году не государству, а писателям, а Ялтинский дом творчества был построен на писательские деньги Литфонда. А то, что в Литфонде **“властвуют”** Куняев и Переверзин – что из этого? Что мы, для себя, что ли, попытались вернуть эти дома – один для Куняева, другой для Переверзина? Эта твоя реплика так же неумна, как и фраза из какой-то жёлтой газетёнки, где было сказано, что Сталин построил в 30-е годы такое роскошное метро для того, чтобы самому кататься в нём и наслаждаться его красотами. Меня в 2014 г. уже переизбрали, я уже не председатель Литфонда. И Переверзина переизберут. А глядишь – хуже того, помрём, но ведь Коктебель и Ялта – останутся писателям!

Так зачем же ты язвительно злобуешь в дневнике: **“Не успел блаженный Крым снова стать российским, а умный и предприимчивый Ваня потребовал возвращения в лоно российского Литфонда и бывшего Дома творчества в Ялте, и бывшего Дома творчества в Коктебеле. Чем больше собственности, тем слаще жизнь! Зачем во всё это уже давно ввязался Ст. Куняев, не понимаю, но ведь крепко союзничают”** (стр. 203). А затем **“ввязался Куняев”**, что в 60-х годах я каждый год бывал в Коктебеле, затем, что написал там свои первые книги, затем, что Мария Степановна – вдова Волошина, пускала меня в прохладные полутёмные комнаты волошинского дома, затем, что я сидел за стареньким волошинским письменным столом и царица Таиах, бюст которой был выточен из редкого коричневого дерева, наблюдала, как я переписываю запрещённые и неизданные стихи Волошина о Киммерии, о его доме, о белом и красном терроре, о белом офицере и красном вожде. Затем, что именно в Коктебеле с его полукруглым заливом с могилой Волошина на одном конце дуги и каменным

профилем Волошина на другом вырос мой сын, затем, что именно там я задумался о великой трагедии самоубийственной гражданской войны, затем, что в этот дом приезжали к Волошину и Цветаева, и Мандельштам, и Гумилёв, затем, что нужно вернуть этому Дому прежнее очарование и выгнать из него, как торговцев из храма, всех, кто успел там приватизировать в “украинскую эпоху” всё что можно – сам дом, писательские уютные комнатки, весь берег, усыпанным агатами, все присто пахнущие кусты и деревья, все волейбольные площадки и теннисные корты, на которых я играл с покойным Олегом Михайловым. Поэтому письмо президенту русского Крыма Аксёнову написали мы с Переверзиным, и сначала ответ был обнадеживающим, мол, “рассмотрим”. Но чем чаще стали таять такие враги Литфонда, как Феликс Кузнецов, как Андрей Битов, как Юрий Поляков и другие – тем меньше надежд на возвращение писателя их собственности оставалось у нас. А ты в это время поддерживал “Литературку”, которая злобствовала: **“Придёт срок, и власти Крыма разберутся, что единственным законным право-наследником имущества Союза писателей является государство <...> У Куняево-Переверзинской коалиции одно на уме, как бы отхватить кусок пожирнее, быстренько довести его до состояния полной неаппетитности и продать за сколько купят”** (“ЛГ” № 20, 2014). Конечно, власти Крыма, получив несколько таких сигналов от центральной прессы (“Лит. Россия”, “Литгазета”, “Новая газета”, интернет-порталы и др.), ступевались и потеряли интерес к законным просьбам и требованиям Литфонда. И что, Серёжа, тебе с Поляковым от этого стало легче? Можешь порадоваться тому, что при тщательном расследовании, кому и какая собственность принадлежит в Крыму, выяснилось, что оба бывших Дома творчества писателей до сих пор принадлежат олигарху Бене Коломойскому, а значит, вы вместе с Поляковым (по незнанию или по глупости – решайте сами) в литгазетовских живых коллективных письмах отставали коммерческие интересы этого международного мошенника.

Более того, почувствовав поддержку таких писателей, как Поляков, ты, и прочих борцов за передачу писательской собственности из **“Куняево-Переверзинских рук”** в руки государства, чиновники из Росимущества подали иск в суд об изъятии у писателей всех остатков общественной собственности: посёлков и домов творчества Переделкино, Внуково, Голицыно, Комарово, нескольких помещений в Москве и даже “Дома Ростовых”, отданного писателям в безвозмездное пользование в сталинскую эпоху. Словом, после этой “второй волны приватизации” писательское сообщество останется ни с чем. Вспомним, что во время первого тотального грабежа 90-х годов писатели Советского Союза и России потеряли 14 домов творчества, несколько десятков издательств, прекрасную поликлинику всесоюзного значения, множество помещений в московских кооперативных домах, построенных на писательские деньги, а также множество помещений в областных центрах и т. д. Не буду перечислять дальше, об этом “ограблении века” знают все писатели России. И ты, наверное, знаешь, и всё-таки веришь (по дружбе) поляковской “Литературке”, которая пишет, не боясь ни гражданского, ни “Божьего Суда”.

“Вмешательство государства в ситуацию с писательским городком направлено как раз на то, чтобы остановить распродажу, которую втихари инициировал и поощрял С. Куняев” (“ЛГ” № 21, 2013 г.). Ну, посоветуй, Серёжа, что делать мне после этого? Подать на “Литгазету” в суд или просто дать пощёчину её главному редактору?

Хотя не поднимается рука на человека, о котором вышла книга не где-нибудь, а в знаменитой серии “Жизнь замечательных людей”! На человека отменного мужества, который, как помнят многие переделкинцы, несколько лет тому назад, проснувшись на своей двухэтажной даче ночью от крика жены, спавшей на первом этаже, бросился по лестнице вниз и увидел, как гнусный грабитель, пробравшийся к ним, через окно избивает рукояткой пистолета жену. Тут же, не мешкая, он рванулся вверх в свой кабинет, отыскал десантный нож и, как лев, слетел по лестнице, чтобы расправиться с негодяем. Но несколькими секундами раньше тот уже выскочил в крошечную тьму...

Как бы то ни было, жена осталась жива. Верный муж спас её от верной гибели. Ну разве это не “Жизнь замечательных людей”? Нет, никакого суда и никакой пощёчины не будет! **“Легенду российской журналистики”**, как сказано о Полякове в “Литгазете” (№ 6, 2017), надо беречь...

Ты, Серёжа, видимо, плохо меня знаешь, подозревая в корыстных намерениях. Поэтому посылаю тебе на всякий случай копию моего заявления в Литфонд, написанного мной сразу же в 2007 году после избрания на пост председателя МЛФ. В это время в Литфонде совсем не было денег, и я решил вдвое уменьшить свою литфондовскую зарплату, для чего и написал заявление, суть которого отражена в следующем документе:

СПРАВКА № 18

“Дана Куняеву Станиславу Юрьевичу – Председателю Президиума МООП “МЛФ” в том, что по его личному заявлению об уменьшении оклада на 50%, ему с 17 апреля 2008 года по 30 мая 2009 года начислялась ежемесячная заработная плата с тарифной ставкой 50% от оклада по штатному расписанию. В результате экономия денежных средств МООП “МЛФ” за период с 17 апреля 2008 года по 30 мая 2009 года составила (с учётом единого социального налога) 879 995-00 (восемьсот семьдесят девять тысяч девятьсот девяносто пять) рублей, направленных на оказание материальной помощи писателям и оплаты юридических услуг.

Основание: 1. Трудовой договор, заключённый между МООП “МЛФ” и Куняевым С. Ю. от 17 апреля 2008 года.

2. Приказ о внесении изменений в штатное расписание от 17.04.2008 года.

Первый заместитель Председателя по финансово-экономическим и организационным вопросам Директор Международного Литфонда – И. И. Переверзин

Главный бухгалтер – Л. В. Осипова”.

Больше года по своей собственной воле я получал 50% зарплаты, и лишь когда у Литфонда появились деньги, я отменил это своё собственное распоряжение.

А как, Серёжа, понимать твой пассаж на стр. 425-426 “Дневника”:

“Днём читал “Литературку” с открытым письмом к министру юстиции, я его подписал скорее из дружбы с Поляковым, хотя общий тон письма совершенно справедлив: когда-то огромной собственностью писателей завладело несколько человек. В списке подписавших А. Битов, В. Личутин, Ф. Искандер, Юра Козлов, Вл. Ерёмченко, В. Поволяев” (стр. 425-426). А почему, Серёжа, ты не выяснил пофамильно, кто эти **“несколько человек”** и какая **“собственность”** перепала каждому из них? Неужели испугался, что привлекут за клевету? А может быть, ты не знаешь, что у всех подписантов этого письма есть дачи в Переделкино (а это, в сущности, основная писательская “собственность”), в которых они живут, как арендаторы, посмертно, сдавая за хорошие деньги хорошие московские квартиры. Личутин дважды менял дачи в поисках лучшей, у Ерёмченко вообще две дачи, одна давно стала его собственностью – а другую он каким-то образом получил от умершего отца, которого я знал, и который был, по-моему, честным человеком. А Ерёмченко-младший, как честный человек, борющийся с расхитителями писательской собственности, поселил в ней своего сына. И самое печальное: неужели ты, Серёжа, не знаешь, что твой друг Юрий Поляков, напечатавший это цитируемое тобой коллективное письмо в Министерство юстиции, письмо, ратующее за правду, за обездоленных писателей, письмо о проделках “литфондовских хапуг”, имеет в Переделкино тоже две дачи – одну приватизированную, которую он отсудил у Литфонда в районном Видновском суде с помощью лжесвидетельницы Кондаковой (заявившей от имени себя, что Литфонду этот участок и эта дача не нужны), и вторую – построенную им без разрешения Литфонда на соседнем участке земли, где арендатором был писатель Анастасьев. Отрезал Юрий Михайлович кусок земли у соседа и выстроил дачу для несчастной ничего не имущей дочки. Да вот незадача: на этот раз суд не признал эту махинацию законной. И Литфонд, опираясь на решение суда, имеет право снести этот самострой.

А разве ты не знаешь, Серёжа, что одновременно с Поляковым в один и тот же день 18 января 2003 г. в одном и том же Видновском суде, пользуясь заявлением той же лжесвидетельницы Кондаковой, наш “тихий американец” Е. Евтушенко присвоил себе казённую литфондовскую дачу, которую он

расширил и подписал с Литфондом договор, где был пункт: **“Престройка кухонного и мансардного помещения в дачном строении по улице Гоголя, дом 1 в городке Переделкино передаются в собственность Международного Литфонда в качестве благотворительного взноса (соглашение от 29.12.2000 г.)”**

А через два года **“благотворительный взнос”** обернулся иском в суд, после которого **“общественная собственность”** стала собственностью **“благотворителя”**.

Зная всё это, ты утверждаешь в **“Дневнике”**, что оба Литфонда и МСПС **“выступают кормушкой для узкого круга избранных людей, которым предоставляется всё, и дачи в Переделкино, и сумасшедшие деньги в виде материальной помощи, и карт-бланш на бесплатное издание толстых книг и т. д”**.

Здесь, Серёжа, ты прав. **“Сумасшедшие деньги в виде материальной помощи”** в Переделкино существуют. Поскольку в Литфонде не было денег, мне самому пришлось вложить в ремонт моей арендованной у Литфонда дачи 875 тыс. руб. Это знают и директор Переделкинского дачного городка Пётр Иванович Коваленко, и главный бухгалтер Наталья Николаевна. Позвони им по телефону 8(495)733-89-18, они тебе подтвердят, что я оказал городку писателю **“материальную помощь сумасшедшими деньгами”**.

Ты почему-то в упор не видишь настоящих **“замечательных”** мошенников. Да, оба наших **“переделкинца”** – Поляков и Евтушенко по-своему незаурядные **“замечательные”** люди. В один год и в один день по решению одного и того же судьи стали владельцами переделкинских дач, об обоих одновременно вышли книги в нашей великой серии. Думаю, что и в один и тот же прекрасный день обоих объявят нобелевскими лауреатами. И это будет зафиксировано в очередном из твоих **“Дневников”**, Серёжа.

Но шутки в сторону. Вроде и неглупый ты человек, Серёжа, но как можно пользоваться слухами из жёлтой прессы? Волей-неволей веря ей, ты присоединяешь свою авторитетную подпись к подписям корыстных клеветников.

Впрочем, ты и сам поступаешь как мелкий сплетник, когда пишешь в **“Дневнике”**: **“Поговорили также о семейных кланах: Проханов оставляет “дело” своему сыну, Станислав Куняев – Сергею Куняеву”** (стр. 283).

Мой сын Сергей – известный и талантливый литератор. Вместе с ним (разделив труды поровну) мы в 1995 году написали для ЖЗЛ книгу о Сергее Есенине, которая, если верить почётной грамоте, выданной нам руководством издательства **“Молодая гвардия”**, стала самым популярным изданием в этой серии за 100 лет её существования. Книга за 10 лет с 1995 по 2016 г. издавалась и переиздавалась 15 (пятнадцать!) раз.

После этого Сергей издал в ЖЗЛ книгу о Николае Клюеве, сейчас для этой же серии заканчивает книгу о Вадиме Кожинове, издал книгу о Павле Васильеве, книгу **“Жертвенная чаша”** – своих критических и литературоведческих работ, а кроме этого издал, написав предисловия и послесловия, сделав нужные комментарии, несколько книг Есенина, книгу Пимена Карпова, а также книги Юрия Селезнёва, Анатолия Ланчикова, Алексея Ганина, Татьяны Глушковой, книгу крестьянских поэтов **“О, Русь, взмахни крылами!”**, книгу о знаменитой дискуссии **“Классика и мы”**. Да, руководить столь сложным и на сегодня самым популярным толстым литературным журналом, **“Наш современник”**, не просто. Даже у меня не всё получается, как хотелось бы. Тем не менее, спасибо тебе, Серёжа, что ты доносишь до меня и до моего сына различные слухи и сплетни (в том числе и свои). Я и не предполагал передавать ему **“дело”**, но теперь после твоих подсказок подумаю всерьёз.

Когда же ты, Серёжа, пишешь о **“сумасшедших деньгах”**, получаемых **“избранными людьми”** Литфонда, то, наверное, по старости забываешь, какие деньги получал круг **“избранных”**, работавших в Литинституте и при ректоре Есине, и при ректоре Тарасове. Цитирую из твоего же дневника, стр. 487.

“Своя рука владыка, поэтому начальники, за счёт денег, которые добывает весь Институт, подняли себе своё содержание. У всех дети, машины, часто нуки. Я, мелочный и завистливый человек, вслед за немолодыми и ушлыми женщинами из министерской комиссии (которые проводили финансовую проверку дел в Литинституте. – Ст. К.), так сказать по их следам и намёткам, подсчитал, что было отломано от бюджетного пирога, а что получено от институтского приварка. На официальном языке

это называется “за счёт собственных средств” (видимо, автор имеет в виду деньги за платное обучение, за подготовку аспирантов, за всякого рода консультации, за сдачу площадей в аренду и т. д. — **Ст. К.**)

“За 2013-й год и три месяца 2014-го. Держись, геолог! За счёт собственных средств: Тарасов — 756,4 тыс. рублей; Стояновский — 1 450,4 тыс. рублей; Уженков — 1 341,1 тыс. рублей; Курышев — 1 073,8 тыс. рублей; Царёва — 2 946 тыс. рублей; Зиновьева — 2 229,2 тыс. рублей”. В небогатом Литинституте получить по несколько миллионов?!

В эти суммы не входят “зарплатные”, “бюджетные деньги”... А ты ещё пишешь о каких-то “сумасшедших” деньгах, которые получили литфондовские работники! Всех ты, Серёжа, перечислил — и проректоров, и бухгалтеров, и ректора Тарасова, лишь о себе, работавшем ректором более 15 лет, умолчал, о своих заработках, о своих “сумасшедших деньгах”. А ведь все эти “проректоры и бухгалтера” были твоими подчинёнными, и я не думаю, что ты получал, как ректор, меньше их. Странно также, что, обнаружив в своём дневнике об их финансовых махинациях с точностью до тысячи рублей, ты о **“сумасшедших деньгах”**, якобы получаемых писателями в Литфонде, пишешь, не называя ни одной цифирки, ни одного имени, а говоря об **“огромной собственности”** писательской, которой якобы завладело **“несколько человек”**, стыдливо умалчиваешь, кто эти **“несколько человек”**, какие фамилии они носят, и какой по объёму **“огромной собственности”** они завладели. Может быть, ты не захотел подставлять Полякова и Евтушенко с Ерёменко? А может, что-то напутал по старости, что-то позабыл. Всяко бывает.

И в завершение скажу следующее.

Я всегда сам редактировал и безжалостно сокращал твои прежние дневники, делая из них “избранное”, убирая твоё многословие, всякого рода малоинтересную бытовщину, различные пустяки и сплетни. Сейчас из-за болезни глаз я доверил эту неблагодарную работу Сегеню. Мы предложили тебе публикацию из ста (100) самых ярких страниц твоего “Дневника—2015”. Но ты отказался от этого, и я понял почему, когда прочитал в твоём дневнике 2014 года: **“Валентина Твардовская, доктор исторических наук, сказала, что если я дотяну свой “Дневник” до конца, то именно по нему будут учёные изучать эпоху <...> с интересом читаю “Дневник” за 2013 год, иногда удивляюсь: неужели это я?”** Я тоже, читая твой “Дневник—2014”, удивляюсь: неужели это ты?

Цену словам дочери знаменитого поэта я узнал, когда несколько лет тому назад, закончив работу над составлением антологии “Русские поэты о Сталине”, я позвонил Валентине Твардовской и спросил у неё разрешение напечатать в антологии лучшие стихи о Сталине, которые написал её отец. Знаешь, что она мне ответила? — **Категорически запрещаю! — Почему? — удивился я. — Потому что все стихи о Сталине отец писал против своей воли...**

Ты тоже со всеми своими комплексами и со всей умело скрываемой гордыней ответил нам: **“Или печатаете двести с лишним страниц (а это почти половина нашего журнала), или я отдам “Дневник 2015 года” в “Новый мир”.** — Да ради Бога, Серёжа! Лишь бы эта публикация помогла Василевскому поднять нынешний двухтысячный тираж его некогда знаменитого журнала, где царил и правил сам Александр Твардовский, писавший стихи о Сталине **“против своей воли”**. Думаю, что и в “Дневнике 2015 года” ты всё так же будешь утверждать, что мы с Переверзиным **“всё разворовали”**, ибо ты человек честный и последовательный.

Проследи только, чтобы все кусочки текста, где ты пишешь о моей причастности к **“посягательству на писательскую собственность”**, остались на страницах “Нового мира” в неприкосновенности. Из твоих уст для меня и хула — похвала. Если ты оставишь все свои выпады и намёки в мой адрес, как в человека **“завладевшего огромной писательской собственностью”**, читателю будет понятно, почему ты печатаешься не в “Нашем современнике”, как это делал прежде в лучшие времена, а в “Новом мире”. А поскольку по твоему дневнику, как сказала Валентина Твардовская, **“будут изучать эпоху”**, то благодаря тебе, может быть, и моё скромное имя войдёт в историю литературы.

До свидания, Серёжа Есин, автор выдающейся повести “Стоящая в дверях”, опубликованной в “Нашем современнике” в 1992 году.

Твой пристрастный читатель Станислав Куняев